

18+

ЮРИДИНА ГАЛИНА • ТКАЧЕНКО КСЕНИЯ

ДОПИСАННАЯ *история*

РОМАН

Галина Бурдина
Дописанная история. Роман

«Издательские решения»

Бурдина Г.

Дописанная история. Роман / Г. Бурдина — «Издательские решения»,

Цюрих. Одна встреча. Одно интервью. Одна история. Журналистка Элизабет фон Штайнер приезжает в клинику доктора Адама Ланге, чтобы написать о его карьере. Но за сухими фактами открывается человек, в котором тишина равна силе, разум — сердцу, а наука — глубокому пониманию человеческой души. Так начинается история о выборе и внутреннем смысле.

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	9
Глава 3	11
Глава 4	12
Глава 5	15
Глава 6	17
Глава 7	21
Глава 8	23
Конец ознакомительного фрагмента.	24

Дописанная история Роман

**Галина Бурдина
Ксения Ткаченко**

Редактор Наталья Астанина
Корректор Сергей Ким
Дизайнер обложки Таня Меucci

© Галина Бурдина, 2026
© Ксения Ткаченко, 2026
© Таня Меucci, дизайн обложки, 2026

ISBN 978-5-0069-1976-1
Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Глава 1

В Цюрихе наступало раннее утро. Город медленно пробуждался, пропитываясь мягким светом восходящего солнца, которое отражалось в спокойных водах Цюрихского озера. Узкие улочки, утопающие в тени средневековых зданий, и готические шпили соборов будто дышали историей, а вокруг раздавались едва уловимые звуки суеты просыпающегося мегаполиса.

Однако в издательстве на улице Крамгассе работа уже вовсю кипела, начавшись задолго до рассвета. Стук печатных машин, шуршание бумаги, аромат свежих изданий и голоса сотрудников смешивались в единый ритм. Корреспонденты, редакторы и дизайнеры обсуждали проекты, торопливо передвигаясь с кипами бумаг и готовясь к утренней планёрке, всегда немного сумбурной.

Элизабет фон Штайнер вошла в просторный конференц-зал с привычной для неё искренней улыбкой. Высокая, грациозная, с идеальной осанкой, она выглядела безупречно, точно попадая в дух современного минимализма: костюм цвета молочного шоколада мягко облегал её фигуру, подчёркивая утончённые линии, а часы из розового золота на запястье добавляли нотку изысканности. Её карамельно-русые волосы были собраны в низкий пучок, а тёмно-синие глаза, напоминающие глубину штормового моря, излучали ту спокойную уверенность, которая могла как успокоить, так и встревожить. В них всегда читалась лёгкая загадка, будто она знала больше, чем говорила.

Элизабет, или просто Лиза, как называли её друзья, умела сочетать в себе контрасты. С одной стороны, проницательная, решительная и настойчивая. С другой — нежная и деликатная в общении с каждым человеком. В то же время в ней была та самая детская непосредственность и искорка живого любопытства, словно она каждый день заново открывала для себя мир.

Когда Элизабет окончила Женевский университет, её карьера журналиста начала стремительно развиваться, и она быстро стала заметной фигурой в своей среде. Лиза была трудолюбива, легка в общении и умела находить необычные грани в обычных темах. Она видела мир с самых разных ракурсов, и, возможно, поэтому в её текстах всегда чувствовалась эмоция. В ней было что-то от исследователя: она знала, что у каждой истории есть свои скрытые слои, и умела видеть за словами то, что другие могли бы упустить.

Статьи Элизабет и её интервью с известными личностями сразу же были оценены за глубокое восприятие и уникальный стиль. Коллеги уважали её, а собеседники доверяли и рассказывали даже то, что не планировали рассказывать. Этот редкий дар — умение слушать и улавливать тонкости не только в словах собеседника, но и в паузах между ними — делал её не просто талантливой журналисткой, а настоящим рассказчиком.

— Доброе утро, коллеги, — начал главный редактор, слегка постукивая карандашом по столу, чтобы привлечь внимание.

Пятидесятилетний Руперт был виртуозом в своём деле. Его подтянутый внешний вид, харизма и активность позволяли скрывать возраст и всё чаще возникающую усталость. Он был воплощением многолетней дисциплины. Голос его звучал спокойно, но твёрдо, а взгляд казался таким пронзительным и ясным, что создавалось ощущение, будто он видит собеседника насквозь, читая его как открытый текст. В его присутствии невозможно было скрыться от собственных мыслей и эмоций, и люди уходили от него с ощущением, что они только что открыли нечто важное о себе.

— Сегодня у нас насыщенная программа. Как всегда, сдаём материалы в последний момент. — Руперт усмехнулся и обвёл взглядом коллег. — Давайте начнём с вашей работы, — сказал он, аккуратно расправляя кипу бумаг перед собой. — Марк, текст про новую выставку в художественном музее получился хороший. Однако концовка... Она не зажигает. Представь,

что ты рассказываешь другу, почему он не может пропустить это событие. Добавь эмоций, расскажи, как именно выставка способна изменить взгляд на мир.

— Понял. Попробую иначе, — отозвался Марк.

— Анна, — продолжил Руперт, переворачивая лист. — Уличные ярмарки — тема богатая, но твой материал слишком перегружен цифрами. Читатель захочет почувствовать атмосферу: шум голосов, запах горячих напитков и вкус шоколада, который тает на языке. Сфокусируйся на том, что делает эти места живыми.

Анна усмехнулась, подняв глаза от блокнота.

— Значит, меньше цифр, больше жизни?

Руперт, довольный её реакцией, повернулся к Элизабет.

— А теперь Элизабет. Твой очерк о премьерке в опере вышел превосходным, почти ничего не пришлось редактировать. Ты поймала ту самую искру, которая позволяет не просто читать, а слышать музыку сквозь слова.

Элизабет улыбнулась, но взгляд её был настороженным. Она знала, что похвала — это лишь прелюдия.

— Однако у меня для тебя новое задание, — сказал Руперт, сделав паузу, словно придавая вес следующей фразе.

Её глаза засветились ожиданием.

— Нам нужно эксклюзивное интервью с доктором Адамом Ланге, — произнёс он, пристально глядя на неё.

В зале повисла тишина.

— Ланге? — переспросил кто-то из редакторов. — Тот самый Ланге, пластический хирург, который никогда никому не даёт интервью?

— Тот самый, — подтвердил Руперт. — Его имя знает вся Европа. Он считается лучшим пластическим хирургом в Нойхаузене. Но он редко общается с прессой. О нём известно немного, а слухов — предостаточно. Твоя задача — не просто взять интервью, но и раскрыть личность этого человека. Мы должны показать читателю, что скрывается за его высокой репутацией.

Элизабет почувствовала, как привычный профессиональный азарт нарастает в ней. В голове мгновенно вспыхнуло название статьи — «Ланге. Гений хирургии. Загадка». Её всегда привлекали сложные личности, а доктор Ланге, судя по всему, именно такой.

— Почему я? — наконец спросила она, слегка прищурив глаза.

Руперт усмехнулся.

— Потому что ты единственная, кто способен добраться до сути. Это интервью должно быть откровением.

Она кивнула, делая пометки в блокноте.

— Когда?

— У тебя неделя, но встреча назначена на завтра. Свяжись с его секретарём и уточни время. Будь готова, он человек занятой.

Лиза кивнула, скрывая волнение. Её сердце забилось чуть быстрее. Она любила моменты, когда нужно было преодолеть сомнения, и знала, как трудно общаться с теми, кто привык скрываться за фасадом профессионализма. Но именно это становилось для неё настоящим вызовом, который она принимала с радостью.

— Где я могу его найти? — спокойно спросила она.

— В его клинике, — ответил редактор, передавая ей папку с материалами. — Это не просто интервью, Лиза. Это история.

Она закрыла папку. В её душе зажглось знакомое пламя. Завтрашний день обещал быть особенным, и Лиза чувствовала это всем сердцем.

Войдя в свой кабинет, Элизабет сделала первый звонок в клинику. Мягко, но уверенно общаясь с секретарём, она договорилась о встрече на девять утра.

Лиза уже мысленно выстраивала план подготовки. Она понимала, насколько важно подойти к этому интервью основательно: изучить работу Ланге, перечитать всё, что о нём написано, и продумать первый вопрос, который сразу создаст атмосферу доверия.

Кабинет Элизабет выглядел сдержанно, но уютно. Приятные оттенки мебели гармонично сочетались с большим витражным окном. Каждый предмет здесь был тщательно подобран, а все вместе они создавали атмосферу размерности, последовательности и вдохновения.

Подойдя к окну, Элизабет остановилась, заморожённая открывающимся видом. Вдалеке раскинулись снежные вершины гор, символизируя безграничность, а утреннее солнце уже ярко подсвечивало старинные крыши Цюриха, превращая их в кадры из винтажной киноленты. Улицы наполнялись городской жизнью — прохожими, велосипедистами и тихим гулом нового дня.

Каждая история, за которую бралась Элизабет, словно впитывала в себя дыхание этих гор, чистоту озёр — их тихую, но уверенную мощь.

Лиза любила Цюрих за его уникальное сочетание богатой природы, исторического наследия и современности. Этот город с его благородной сдержанностью напоминал дорогие часы: каждая деталь выверена, каждый механизм работает безупречно. Но за этой точностью скрывалась жизнь — тёплая, насыщенная, полная историй. Это настолько глубоко вдохновляло её, что она непроизвольно переносила это состояние в свою повседневную жизнь: когда брала интервью, писала статьи, занималась обычными житейскими делами.

Её мысли уже унесли далеко за пределы издательства, в светлую современную клинику, где её ждала встреча с человеком, которого она пока знала лишь по громким статьям.

Она испытывала внутренний трепет, который рождается где-то в глубине души, — смесь волнения и предвкушения.

Лиза знала: за этой задачей стоит нечто большее, чем просто работа. Но она и представить не могла, что интервью с доктором Адамом Ланге изменит не только её карьеру, но и всю её жизнь.

Глава 2

— Лиза, я жду тебя внизу, — донёлся голос Тома через слегка приоткрытую дверь её кабинета. — Или твоё новое задание так увлекло тебя, что ты решила оставить без обеда не только себя, но и меня?

Элизабет подняла взгляд от ноутбука и чуть улыбнулась.

— Иду, — мягко ответила она.

Она сделала последние пометки, закрыла ноутбук и встала с кресла. Накинув пальто, Лиза провела пальцами по его лацканам, словно проверяя, всё ли в порядке, и направилась к выходу.

Том ждал её на улице. Статный, сдержанный и внешне немного отстранённый, он привлекал внимание одним лишь своим присутствием. Его остроумие с лёгкими нотками сарказма прекрасно сочеталось с непринуждённостью в общении и искренней радостью от жизни, что делало дружбу с ним максимально приятной. Но лишь те, кто действительно был близок с ним, знали о его глубокой, чувствительной и ранимой натуре.

Когда Лиза открыла тяжёлую дверь издательства и шагнула наружу, свежий воздух тут же окутал её лицо. Она сделала глубокий вдох, наслаждаясь дневным теплом, и выдох, словно освобождаясь от груза офисных забот. Она на мгновение остановилась, наблюдая за городской суетой, разглядывая старинные улочки Цюриха с современными зданиями, где располагались офисы международных корпораций и старейшие банки.

— Выглядишь, будто только что вышла из редакции модного журнала, — заметил Том, скользнув взглядом по её пальто.

— А ты, как всегда, редактируешь всё подряд, даже мой внешний вид, — ответила Лиза с лёгкой улыбкой.

Со стороны их можно было принять за идеальную пару, но Лизу и Тома всегда связывала только дружба. Они начали общаться в школьные годы и ещё больше сблизились во время учёбы в университете. Это были те редкие отношения, в которых не было места романтике, но было всё остальное: доверие, поддержка, юмор и воспоминания. Их объединяли общие интересы: книги, выставки, музыка — им всегда было о чём поговорить.

Детство Лизы прошло за книгами, а потому она умела мастерски излагать свои мысли. Её сочинения были выразительными, а тексты — проникновенными. Том же вырос в семье, где царила атмосфера искусства. Его родители владели галереей, и дом их всегда был наполнен картинами, скульптурами и разговорами о творчестве. Они часто устраивали выставки молодых художников, куда Том всегда приглашал Лизу. Позже они часами обсуждали увиденное, спорили и вдохновлялись.

Дорога до рестораника заняла всего несколько минут, но за это время Том успел рассказать очередную историю о своей новой возлюбленной.

— Лиза, кажется, в этот раз я нашёл ту самую, — начал он с привычной драматичностью в голосе. — Она... понимает меня.

— Правда? — Лиза сдержала улыбку, зная, чем закончится эта история.

Том был удивительно влюбчивым мужчиной, но, к сожалению, его сердце неизменно тянулось к тем, кто не мог понять и оценить всю глубину его тонкой и ранимой души. Каждый его роман начинался с искренней надежды, вдохновенных речей и головокружительного увлечения, но заканчивался неизбежным разочарованием и горьким осадком.

Лиза, будучи его преданной подругой, давно перестала пытаться запоминать имена новых возлюбленных Тома. Она не задавала лишних вопросов, не предлагала советов и не пыталась разобраться в причинах. Вместо этого она просто слушала, принимая его как есть, с его вечным поиском идеальной любви.

Они подошли к небольшому ресторанчику, затерянному среди узких улиц. Это место было воплощением истинной красоты. Мягкие кресла небесно-голубого цвета приглашали к отдыху, а тщательно подобранная музыка, как лёгкий шёпот, дополняла атмосферу, не отвлекая, но создавая эффект полного погружения и присутствия.

Здесь всегда было многолюдно, но не шумно, как будто каждый посетитель уважал пространство другого.

— Добрый день, Элизабет и Том! Как обычно, ваш столик ждёт вас, — улыбнулась хостес, будто встречая старых друзей. — Прошу, проходите за мной.

Их провели к столику, который, несмотря на своё расположение в самом центре зала, идеально подходил для уединённой беседы. Лиза аккуратно расправила салфетку и положила её на колени. В этих простых движениях чувствовалась непринуждённость, располагающая к спокойному и лёгкому общению. Она взглянула на меню, готовая сделать заказ, но прежде всего нужно было ответить на первый вопрос Тома, который, как всегда, предвкушал новые открытия.

Слегка усмехнувшись, он с нескрываемым волнением посмотрел на Лизу и с интригой в голосе сказал:

— Расскажи мне всё, что тебе уже удалось выяснить про этого таинственного доктора. — Том подался вперёд, с интересом глядя ей прямо в глаза. — Уверен, ты уже накидала парочку таких вопросов, от которых невозможно уйти.

Лиза сделала глоток воды, давая себе секунду на ответ.

— Узнала пока немного. Не женат, живёт в самом дорогом районе Цюриха. Его работы признают самые именитые специалисты, и его часто приглашают на международные конференции. Никаких громких скандалов вокруг его имени я пока не обнаружила. Вроде бы человек действительно увлечён своим делом. Думаю, личное знакомство многое прояснит.

Том кивнул, разглядывая её спокойное лицо.

— Как думаешь, он из тех, кто разрушает мифы о себе или подтверждает их?

Лиза улыбнулась:

— Увидим.

Официант принёс блюда, и разговор ненадолго прервался. Лиза, с детства не употреблявшая мясо, оценила поданную ей рыбу.

Том, заметив её довольное выражение, подшутил:

— И это попадёт в твою следующую статью?

— Возможно, — парировала Лиза с лёгкой улыбкой.

За окном Цюрих продолжал жить своей динамичной жизнью. Люди спешили по своим делам, трамваи мягко скользили по рельсам, и гул отдельных звуков вплетался в городскую суету.

Её мысли уже блуждали где-то далеко, между завтрашним интервью и тем, что ещё предстояло выяснить.

Глава 3

Лиза проснулась задолго до будильника. Она любила эти первые часы утра, когда город ещё не пробудился, а первые полупрозрачные лучи солнца, мягко проходя сквозь шторы, рассыпались золотистыми бликами и тонкими узорами по мебели и стенам. Всё вокруг дышало размеренностью и спокойствием — будто сама природа дарила мгновения тишины перед началом дневной суеты.

Лиза потянулась, ощущая нежную ткань хлопковой пижамы, и позволила себе ещё несколько минут побыть в кровати. Но мысли уже начали заполнять её сознание: предстоящее важное интервью, проекты и статьи, требующие завершения, — всё раскладывалось в голове акkuratно, словно книги на полочках.

Её квартира была светлой, просторной и наполненной теплом. Мягкие светло-молочные и медовые тона интерьера словно обнимали пространство, а плавные линии мебели создавали ощущение уюта и воздушности. Лёгкий аромат свечей вносил нотку общей эстетики и расслабленности.

Лиза всегда умела сочетать, казалось бы, несочетаемое. В её доме была особая атмосфера, где каждый элемент не только создавал комфорт, но и отражал её внутреннее состояние и характер.

Поднявшись, она сделала серию плавных упражнений, чтобы окончательно пробудить тело, а затем позволила струям душа смыть остатки сна. На кухне, где дверь на террасу была приоткрыта, Лиза наслаждалась видом на канал с покачивающимися лодками, пока готовила лёгкий завтрак.

В её утреннем ритме не было ни суеты, ни спешки — она наслаждалась каждым движением, каждой минутой, словно утро — это отдельная драгоценная глава её жизни.

В рабочем кабинете она ненадолго погрузилась в дела. Но время шло, и нужно было двигаться дальше. Лиза закрыла ноутбук, положила его в сумку и прошла в гардеробную.

Ей всегда был важен внутренний настрой, но с не меньшей тщательностью она относилась к своему внешнему виду. Лиза верила: это первое слово в любом диалоге, и оно должно звучать безупречно.

Выйдя из дома, она сделала глубокий вдох. Утренняя прохлада бодрила и освежала. Лиза решила пройти пешком до клиники, где должна была состояться встреча. Шуршание брусчатки под ногами и ритм её шагов сливались со звуками пробуждающегося города.

Глава 4

Клиника доктора Адама Ланге располагалась на берегу озера, словно особняк из старого фильма. Высокие окна отражали серебристую гладь воды. Уютная аллея, обсаженная кипарисами, вела к массивным стеклянным дверям, которые беззвучно открывались перед каждым, кто решался туда войти.

В холле её встретила женщина в элегантной униформе.

— Добрый день, мисс фон Штайнер. — Её голос был мягким, но с ноткой формальности.

Она провела Лизу через просторный зал с высокими потолками. Белоснежные стены, мраморный пол и мебель создавали ощущение стерильной роскоши. На стенах висели картины в приглушённых тонах, словно успокаивая гостей.

В руках Элизабет держала заметки для интервью, но всё же знала, что в ходе разговора она будет больше полагаться на свою интуицию и ощущения, чем на заранее подготовленные вопросы.

— Проходите, доктор ждёт вас, — сказала женщина, остановившись у тяжёлой двери из тёмного дерева и легко толкнув её.

Лиза вошла и замерла.

Офис доктора оказался совсем не таким, как она ожидала. Он не был холодным и строгим и скорее напоминал кабинет писателя: книги с золотыми переплётами, мягкое, тёплое освещение, аккуратно сложенные папки, пара уютных кресел у окна и массивный дубовый стол, за которым сидел сам Адам Ланге.

На вид ему было лет сорок — довольно молод для столь впечатляющих достижений, — ухоженный, крепкого телосложения, с выразительными чертами лица, которые вполне могли бы украсить обложку журнала. Но в нём было нечто большее, чем просто внешность: спокойная сила, уверенность и осознание своей значимости.

Он поднял глаза на Лизу, и она сразу почувствовала его глубокий взгляд, который, казалось, видел самую её суть.

— Элизабет фон Штайнер, — произнёс он, вставая из-за стола. Его голос был располагающим и приятным. — Рад познакомиться.

— Доктор Ланге, — улыбнулась она, протягивая руку.

Его рукопожатие было крепким, но не подавляющим.

— Прошу, садитесь. Я слышал о вас, мисс фон Штайнер, — начал он, наблюдая за ней с лёгкой улыбкой. — Говорят, вы умеете задавать правильные вопросы.

— Только если человек готов дать честные ответы, — сказала она.

— Тогда у нас получится содержательный разговор.

Их беседа началась с привычных тем: ранние этапы карьеры, выбор профессии, причины открытия клиники именно здесь. Но с каждой минутой разговора Лиза всё яснее понимала, что за фасадом профессионала скрывается многогранная личность.

— Вы много говорите о восстановлении, — заметила она, глядя ему прямо в глаза.

Он на мгновение замолчал, потом кивнул.

— Это так. Люди приходят к нам не только за внешними изменениями, но и за внутренними. Порой то, что мы видим в зеркале, не соответствует тому, что мы чувствуем. Моя задача — помочь обрести этот баланс. Однако наша основная деятельность сосредоточена на восстановлении после несчастных случаев и возвращении человека к полноценной жизни.

Его слова задели что-то в душе Лизы. Она поймала себя на мысли, что этот разговор касается не только её статьи, но и её самой.

— А вы, мисс фон Штайнер? — неожиданно спросил он, чуть склонив голову. — Вы нашли свой баланс?

Это прозвучало так неожиданно, что Элизабет какое-то время молча смотрела на доктора, удивляясь тому, как быстро разговор сменил направление — они будто поменялись ролями, — и тому, насколько сильно его вопрос отозвался в самой глубине её души.

— Журналистика — это постоянное сопоставление фактов, а поиск баланса — это нечто философское, требующее более тщательного осмысления.

— Точно подмечено, — кивнул он, — но иногда стоит сделать паузу и понять, что важнее всего.

Его слова, нарушившие ход интервью, отозвались в её душе как отголосок того, о чём она сама давно думала. Оба на время замолчали, задумавшись о сказанном.

Резкий звук телефона нарушил тишину.

— Прошу прощения, — сказал он, вставая из кресла.

Его движения были уверенными и спокойными. Подойдя к столу, он поднял трубку. С другого конца линии раздался женский голос. Ланге слушал внимательно и коротко кивал, как будто собеседник мог это видеть. Положив трубку, он повернулся к Элизабет.

— Мне очень жаль, но я вынужден завершить нашу сегодняшнюю встречу, — сказал он с искренним сожалением в голосе. — Меня срочно вызывают в операционную. Моя помощница свяжется с вами, чтобы назначить новое время для продолжения нашего разговора.

Лиза слегка кивнула.

— Спасибо за понимание, — добавил он.

Сделав несколько шагов к двери, доктор вдруг остановился, обернулся и посмотрел на Элизабет.

— Если вам нужно что-то дописать или осмотреть, можете остаться в кабинете столько, сколько потребуется, — предложил он. Затем, выдержав паузу, продолжил: — Каждую пятницу, после работы, мы с коллегами собираемся в небольшом пабе неподалёку. Мы беседуем, обсуждаем важные темы или просто расслабляемся. Если сможете, присоединяйтесь. Это станет хорошей возможностью завершить интервью.

Он улыбнулся — едва заметно, но тепло — и вышел.

Оставшись одна, Лиза сделала несколько пометок, закрыла блокнот и окинула взглядом кабинет. Каждая вещь говорила о докторе Ланге больше, чем он сам о себе. На стене висели сертификаты, благодарственные письма и фотографии с пациентами — всё было аккуратно и лаконично. Но особенно её заинтересовала фотография в небольшой рамке на его рабочем столе. На снимке был Адам, ещё совсем юный, рядом с двумя мужчинами и женщиной. В чертах их лиц прослеживалось что-то общее, личное, почти сокровенное.

Выйдя, она встретила ту же женщину, которая приветствовала её утром.

— Простите за внезапность, — сказала она с мягкой улыбкой. — Мы обязательно свяжемся с вами, чтобы назначить новую встречу.

Лиза кивнула, поблагодарила и покинула клинику. На улице прохладный воздух мягко коснулся её лица, словно возвращая из мира доктора Ланге. В этот момент она вдруг поняла: что-то изменилось. Что-то не связанное с интервью, работой, будущей статьёй. Изменилось в ней самой. Она не могла пока объяснить, что именно, но уже знала: этот разговор станет частью чего-то более значимого.

Лиза взяла такси. Впереди был ещё целый рабочий день. Она всегда любила завершать неделю, справляясь с максимальным количеством накопившихся задач.

— Издательство на улице Крамгассе, пожалуйста, — сказала она водителю, и тот кивнул, трогаясь с места.

Зайдя в офис, Лиза быстро погрузилась в привычный ритм: звонки, обсуждение макетов, проверка документов.

Том несколько раз заходил к ней, явно пытаясь выведать подробности утренней встречи. Лиза ответила сдержанно:

— Интервью не закончилось из-за вызова доктора в операционную. Расскажу подробнее, когда всё будет завершено.

Шагая по длинному коридору, Лиза невольно подняла глаза на большие настенные часы, висящие на видном месте и словно напоминающие о ценности времени. Большая стрелка приближалась к семи часам вечера.

Лиза вспомнила о приглашении доктора Ланге. Ещё находясь в клинике, она решила принять его, подумав, что непринуждённая обстановка и общение с его коллегами помогут лучше раскрыть образ этого человека и составить более целостное представление.

Глава 5

Обычно, вернувшись после операции, доктор Ланге сразу записывал и анализировал важные данные. Но на этот раз его мысли вернулись к незаконченному интервью с Элизабет фон Штайнер.

Он давно привык к тому, что люди стремятся произвести на него впечатление. Но Лиза была другой. Она не пыталась выделиться — просто делала своё дело, и именно это тронуло его до глубины души.

Не игра, не роль, не попытка соответствовать ожиданиям — подлинное достоинство, которое не нуждалось в доказательствах.

Как она держалась — свободно, но собранно. Как слушала — вдумчиво, не заполняя паузы ненужными словами. Она словно несла себя через мир с тихим, но непреклонным знанием своей ценности.

Её движения, комментарии, молчание — всё говорило о самообладании, естественности и внутренней силе.

Даже её одежда подчёркивала независимость. Облегающая водолазка из тонкой шерсти, идеально сидящие джинсы и тонкий ремешок — в её стиле не было нарочитости, только ненавязчивый классический шик. Ланге не мог не отметить это редкое сочетание: уверенность без демонстративности, внутренняя собранность без напряжения.

В ней было что-то совершенно новое для него, нечто, с чем он прежде не сталкивался. Она казалась цельной, выстроенной, словно всё в ней находилось на своём месте.

И всё же за этой уверенностью скрывалось нечто трогательное. Серьёзное выражение лица, сосредоточенный взгляд — всё это вызывало у него невольную улыбку. В ней удивительным образом переплетались хрупкость и сила — и этим она впечатлила его так, как никто прежде.

Он поймал себя на мысли, что ему хочется ещё раз увидеть её в другой обстановке.

В баре, выбранном Адамом и его коллегами, была расслабленная атмосфера. Здесь звучала приятная музыка, создавая идеальное настроение для отдыха. Авторские коктейли, хорошее вино, лёгкие закуски — всё способствовало неспешному вечеру.

Лиза остановилась на мгновение у входа, поправляя волосы и собираясь с мыслями. Она сама не понимала, почему волновалась: это была просто встреча, продолжение интервью.

Когда она вошла, то сразу увидела Адама. Он сидел за круглым столом в компании, что-то рассказывая. Его голос был негромким, а жесты — свободными. Светлый пуловер и тёмные джинсы вместо строгого халата придавали его облику неожиданную непринуждённость. Его улыбка была настоящей, открытой. Лиза вдруг увидела в нём не только хирурга, привыкшего держать всё под контролем, но и человека, способного расслабляться, смеяться, проявлять живые эмоции.

Её появление не осталось незамеченным. Адам мгновенно увидел её и, встав, направился к ней.

— Рад, что вы пришли, — сказал он, улыбаясь.

— Спасибо за приглашение, — ответила Лиза, чувствуя, как её щеки слегка порозовели.

— Позвольте представить вас моей команде. — Он обернулся к коллегам. — Это мисс Элизабет фон Штайнер, журналистка, умеющая задавать вопросы, от которых невозможно уклониться.

За столом раздались дружелюбные смешки.

Коллеги Адама Ланге оказались удивительно простыми и приятными людьми. Они обменивались историями, обсуждали курьёзные случаи на работе, смеялись так искренне, что Лиза почувствовала себя частью этой компании.

Но её взгляд снова и снова возвращался к Адаму Ланге. Его голос, манера говорить, даже то, как он держал бокал с вином, притягивали её внимание. Она ловила себя на мысли, что впервые за долгое время кто-то вызывает у неё такое сильное любопытство.

Когда вечер стал подходить к концу, Адам наклонился к ней.

— Хочу кое-что вам показать. Вы не против небольшой прогулки?

Лиза кивнула, и они вдвоём вышли из бара, оставив позади тёплый шум разговоров.

Ночной Цюрих был завораживающим. Улицы были залиты мягким светом, отражавшимся в гладкой поверхности воды. Адам шёл рядом, чуть касаясь её локтя, чтобы направить или поддержать, когда они спускались по старинной каменной лестнице к озеру.

— Здесь я провожу вечера, когда нужно очистить мысли, — сказал он, остановившись у самого берега.

Они стояли на деревянной пристани. Вода тихо плескалась у их ног, а вдали, на другой стороне озера, были видны мерцающие огни.

— Знаете, Лиза, — начал он, опираясь на перила, — я часто думаю о том, как мало времени у нас на то, чтобы делать действительно важные вещи.

— Например? — мягко спросила она, поворачиваясь к нему.

— Например, просто осознавать каждый момент. Мы постоянно бежим, к чему-то стремимся, так что забываем остановиться и почувствовать. А ведь жизнь не только в результатах и достижениях, но и в самом процессе.

Лизу поразило, как точно его слова отражали её собственные мысли. Она молчала, всматриваясь в воду.

— А вам удалось остановиться? — наконец спросила она.

Он посмотрел на неё, и в его глазах блеснула искорка.

— Может быть, прямо сейчас я как раз и пытаюсь это сделать.

Его голос, его взгляд — в этом было что-то настолько личное, что её сердце пропустило удар. Она вдруг поняла, что их разговор уже вышел за рамки простого интервью.

— Спасибо, что пришли, — добавил он после паузы.

— Спасибо, что пригласили, — ответила она, улыбнувшись.

В эту минуту Лиза почувствовала, как между ними зарождается нечто новое. Это ощущение не покидало её и тогда, когда, укутавшись в тёплый плед, она вышла на террасу своей квартиры и погрузилась в размышления о прошедшем вечере.

«Может быть, он прав, — подумала она. — Пора перестать откладывать свои истинные желания на потом и наконец заняться тем, о чём так давно думала».

С этой мыслью Лиза открыла ноутбук и сделала первые заметки для своей книги.

Глава 6

Родители Элизабет погибли, едва ей исполнилось одиннадцать лет, и её воспитанием занялась бабушка.

Бабушка Лизы была женщиной из другой эпохи, той, где семейные ценности передавались из поколения в поколение, а традиции были не просто данью прошлому, а основой жизни.

Статная, высокая, с безупречной осанкой, она будто излучала строгость, но её строгость никогда не была холодной. Напротив, в ней было то старомодное благородство, которое вызывало невольное восхищение.

Доктор филологических наук, преподаватель престижного вуза в Цюрихе, она жила в мире книг, точных формулировок и отточенных мыслей. Всё в её жизни было разложено по своим местам, и этот порядок она стремилась передать внучке.

Для неё было важно научить Лизу всему: заложить прочный фундамент знаний, развить вкус, привить хорошие манеры и дисциплину. Она считала, что девочка должна получить классическое образование, свободно говорить на нескольких языках, разбираться в искусстве, уметь вести беседу и быть грациозной. «Настоящая женщина должна быть утончённой, образованной, но при этом уметь вести дом так же искусно, как и разговор», — часто повторяла она.

Мама Лизы смотрела на воспитание иначе. Она верила, что всему своё время: ребёнку важно насладиться каждым мгновением детства, играть, исследовать мир без строгих рамок, а знания придут естественным путём. «Зачем заставлять её учить французский в пять лет, если можно просто читать ей книги, и в нужный момент она сама заинтересуется?» — говорила она бабушке. Их споры никогда не перерастали в ссоры, но Лиза чувствовала, что между ними всегда существовало негласное противостояние: разум против свободы, дисциплина против естественного взросления.

Папа, археолог, всю жизнь посвятил поискам следов древних цивилизаций. Он был учёным-практиком, человеком, для которого история не заключалась в страницах учебников, а оживала в песках пустынь, в тенях древних руин, в кусочках керамики, найденных в далёких уголках мира. Он часто повторял: «Никогда не знаешь, где тебя ждёт открытие», и, кажется, эта мысль вела его по бескрайним просторам земли.

Мама, в свою очередь, всю свою жизнь занималась журналистикой и, когда Лиза немного подросла, стала сопровождать мужа в экспедициях. Она писала о людях прошлого так, словно те могли заговорить, и герои её статей оживали в воображении читателей.

Пока родители были в поездках, бабушка занималась воспитанием Элизабет, водила её на уроки музыки, балета, иностранных языков. Но когда они возвращались, Лиза чувствовала, как мир вокруг смягчался: бабушка отступала на шаг, позволяя девочке бегать босиком по траве, строить шалаши и ночами слушать мамины истории о диких джунглях, золотых храмах и далёких странах.

Лиза привыкла к их отсутствию, к долгим ожиданиям и к коротким, но бесконечно счастливым дням вместе. Но даже тогда их дом был наполнен работой: отец делал записи, сверял данные, принимал коллег. Казалось, даже за чашкой чая он мысленно находился где-то среди древних развалин. Они с матерью не говорили громких слов о любви, но стоило взглянуть на них, и всё становилось ясно — это было чувство, которому не нужны объяснения.

А потом настал тот вечер.

Родители были тогда в экспедиции. После неё отец собирался на долгое время прекратить полевую деятельность. Он говорил, что накопилось уже достаточно материала, что он устал от бесконечных разъездов и мечтает наконец засесть дома, чтобы привести всё в порядок. Он планировал написать книгу, систематизировать исследования, подготовить статьи. Работа под-

ходила к концу, экспедиция сворачивалась, когда вдруг кто-то из группы наткнулся на едва заметную дверь в скале.

Они пытались её вскрыть, рассчитывая увидеть за ней неизведанный зал или что-то ещё для себя полезное и интересное. Когда дверь поддалась, археологи сделали несколько шагов внутрь. И вдруг раздался взрыв.

Позже эксперты объяснят: на протяжении долгого времени внутри скапливался газ, который при контакте с кислородом вспыхнул, не оставляя шансов тем, кто оказался рядом. Погибло несколько человек, среди которых были родители Лизы.

...Поздним вечером в дверь их квартиры позвонили. Лиза помнит этот момент до мельчайших деталей: как бабушка, накинув шерстяной кардиган, молча провела двух мужчин на кухню, закрыла за ними дверь, и в воздухе повисла напряжённая, почти осязаемая тишина.

Когда они ушли, Лиза увидела строгую, всегда собранную бабушку, сидящую на стуле с застывшим лицом. Она словно осунулась, постарела в один миг. Лиза подошла ближе, и бабушка просто притянула её к себе, обняла, крепко прижав к груди. Так они сидели, долго и молча, только по щекам тихо текли слёзы.

Это был первый и последний раз, когда Лиза видела её плачущей.

Только повзрослев, Лиза смогла до конца ощутить всю боль и масштаб утраты, и она чётко осознала, что именно с того дня бабушка стала для неё единственным родным человеком.

В тот момент бабушка не позволила себе сломаться, не позволила боли и отчаянию нарушить строгий порядок жизни. Возможно, именно тогда её стремление дать Лизе достойное образование стало ещё сильнее. Именно так проявлялась её любовь — не опекать, не жалеть, а дать внучке знания, силу, уверенность, которые могли бы защитить её в будущем.

Годы спустя Лиза поняла, что всё, что бабушка так терпеливо вкладывала в неё, стало её самой прочной основой. Утончённый вкус, умение видеть красоту в мелочах, навык говорить и слушать, лёгкость в движениях, знание языков — всё это стало частью её самой.

Когда она думала о бабушке, перед глазами вставал образ женщины, сидящей за рабочим столом и непрерывно изучающей, пишущей, работающей над материалами, сосредоточенной и сдержанной, но в каждом её жесте, в каждом слове и взгляде — неизмеримая и безусловная любовь.

Лиза любила субботу. Это был её день с бабушкой — традиция, которая никогда не нарушалась. Она вставала чуть позже обычного, выполняла утренние дела и отправлялась в старый район Цюриха, где жила бабушка.

Историческая часть города всегда зачаровывала её. Узкие улочки, мостовые, вымощенные старой брусчаткой, массивные дома с высокими окнами и деревянными ставнями. Витрины небольших лавок мерцали в утреннем свете: старинные книги, ювелирные украшения ручной работы, фарфоровые статуэтки. Лёгкий ветер играл с цветами, свисающими с подоконников.

Дом бабушки располагался на небольшой возвышенности среди других таких же старинных зданий. Лиза вбежала на второй этаж, привычно открыла дверь своим ключом, и уже в прихожей её встретил знакомый аромат свежей выпечки. Этот запах всегда напоминал ей о детстве, о безмятежности и уюте.

Квартира бабушки была особенным местом. Тёплый свет от винтажных ламп, старинная мебель с мягкой обивкой, книги с пожелтевшими страницами, изящный фарфор на полках. Лиза не любила слово «антиквариат» — для неё это были предметы с историей. Бабушка всегда знала, откуда появилась та или иная вещь, и за каждой из них скрывалась своя легенда.

— Бабулечка! — ласково позвала Лиза.

Бабушка уже хлопотала у плиты. Она повернулась, улыбнулась, и Лиза обняла её, вдохнув запах любимого пирога. Действуя быстро и слаженно, они накрыли на стол: скатерть с

вышивкой, фарфоровый сервиз с тонким золотым узором, хрустальная вазочка с вареньем — завтрак всегда был небольшим ритуалом.

Лиза наливала кофе в чашку, когда вдруг задала вопрос, который давно жил где-то на краю её сознания:

— Бабулечка, а почему ты всю жизнь была одна? Почему выбрала одиночество?

Бабушка, казалось, вовсе не удивилась. Она спокойно отрезала кусочек пирога, переложила на тарелку Лизы, затем отрезала себе. Только после этого заговорила:

— Любовь, Лиза, не ждут. За ней не бегают. Она приходит сама, неожиданно, но в нужный момент. Некоторые выбирают жить вместе, не любя. А кто-то выбирает любить, даже если не может быть рядом.

Лиза внимательно слушала. Она вдруг осознала, что никогда раньше не задумывалась о бабушкиной молодости, о её тайнах.

— Это давняя история, дорогая. Но знай: я никогда не была одинока. Я любила — по-настоящему, искренне. И была любима. Это чувство наполняло меня и помогало жить, творить, воспитывать. Эта удивительная энергия вдохновения живёт во мне и исчезнет лишь вместе со мной.

Они продолжали завтрак, но в воздухе повисла особенная тишина — не гнетущая, а наполненная смыслами.

Через минуту бабушка подняла глаза и неожиданно спросила:

— Кто он, Лиза? Кто тот человек, который так тебя растрогал?

Лиза на мгновение задумалась.

— Доктор Ланге. Адам Ланге. Пластический хирург. Я брала у него интервью. Но мы не успели закончить — его срочно вызвали в операционную. И он пригласил меня прийти вечером в бар, где встречается с коллегами.

— Что же тебя так привлекло в этом человеке?

— Он профессионал, это сразу видно. Но дело не только в этом. В нём есть что-то особенное... какая-то внутренняя сила, уверенность, но при этом мягкость и забота. Его рассуждения нашли во мне глубокий отклик, словно я давно желала услышать от кого-то именно эти слова. Я не могу объяснить, но мне захотелось встретиться с ним ещё раз.

Бабушка кивнула, будто понимала больше, чем сама Лиза.

После завтрака они отправились на прогулку. Центральный парк Цюриха уже встречал весну. Воздух был свеж и наполнен ароматом цветущих деревьев с молодыми, ярко-зелёными листьями. Солнце мягко отражалось в воде озера, а на аллеях звучал детский смех.

Они присели на скамейку у воды, и бабушка, повернувшись к Лизе, сказала:

— Если это тот Ланге, о котором я думаю, то его родители — люди необыкновенные. Их история заслуживает внимания.

Лиза затаила дыхание.

— Это была удивительная пара, оставившая после себя значительный след. Если Адам действительно их сын, то по линии отца он врач уже в четвёртом поколении. Каждый из этой врачебной династии внёс свой вклад в историю медицины.

Его отец был врачом-инфекционистом, микробиологом. Он разработал множество вакцин и лекарств против опаснейших заболеваний, всегда оказывался в эпицентре самых страшных эпидемий и боролся за жизни людей. Лауреат престижных премий, признанный во всём мире учёный.

Бабушка на секунду замолчала.

— Его мать была легендой. Занявшись благотворительностью, она так много сделала для блага людей, что я даже не могу сказать, кто из них двоих внёс больший вклад. Одна из красивейших женщин своего времени, талантливая актриса театра и кино. Билеты на спектакли с её участием раскупались задолго до премьеры, а фильмы имели огромный успех. И дело было не

только в её внешности — она умела проживать чувства и передавать их зрителям. Если бы она не стала самой кассовой актрисой своего времени, то непременно прославилась бы как певица. О ней писали журналы, её лицо украшало обложки глянцевого журналов.

Этот брак стал для неё третьим и вызвал немало обсуждений. Учёный и актриса — никто не верил, что их союз продлится долго. Но время расставило всё на свои места.

Я видела её лишь однажды — на благотворительном вечере. В прессе часто писали, что она любит роскошь и дорогие украшения, но, когда я увидела её воочию, мне захотелось перефразировать: это роскошь и дорогие украшения любили её. Она была ещё прекраснее, чем на экранах. Точёная фигура, правильные черты лица, утончённые манеры, продуманный до мелочей внешний вид — всё в ней завораживало. Но больше всего поражали её глаза — казалось, они могли вместить в себя весь мир и отдать этому миру всю свою любовь.

В тот вечер она пела романсы. Я до сих пор, стоит лишь закрыть глаза, слышу этот обволакивающий голос, который проникал в самые потаённые уголки души, пробуждая, очищая и освобождая. После соприкосновения с её голосом казалось, что внутри происходит обновление.

Говорили, что она родила в зрелом возрасте. Со временем её фотографии в журналах сменились на другие — теперь она была в окружении людей. На средства от благотворительности она открывала медицинские центры, приюты для детей-сирот, организовывала и финансировала медицинские обследования в отдалённых районах. Она не уставала творить добро — всегда с улыбкой, с горящими от радости глазами. Она была самой жизнью. И всё случилось совершенно неожиданно для всех...

Бабушка вдруг замолкла, лицо её затуманилось.

— Она возвращалась из театра. В какой-то момент немного отдалилась от сопровождающих её людей, и никто не заметил мужчину, который внезапно приблизился к ней. Все услышали только её крик.

Лиза сжала пальцы на подлокотнике скамейки.

— Ей плеснули кислотой в лицо.

Лиза прикрыла рот ладонью.

— Это потрясло всех. Под окнами больницы стояли сотни людей, желая помочь. Но в один день появились две статьи: первая — она пришла в себя, вторая — мир с ней прощается. Никто так и не узнал, что произошло. Одни говорят, что её сердце не выдержало. Другие — что, увидев своё отражение, она приняла решение сама.

Лиза сидела в оцепенении. Мир вокруг словно расплылся, всё, кроме этой истории, утратило резкость. Переполнявшие её чувства захлестнули с головой. Многие вдруг встало на свои места. Она даже не заметила, как слёзы потекли по её лицу.

Бабушка мягко притянула её к себе, поцеловала в макушку, и они ещё какое-то время сидели так, молча, вдвоём. Возможно, в этот момент каждая из них вновь переживала свою трагедию.

В этот вечер, вернувшись домой, Лиза открыла ноутбук и начала работать над статьёй. Писала легко, на одном дыхании, будто слова сами ложились на страницу.

История, рассказанная бабушкой, затронула её до глубины души. На следующий день Лиза посвятила себя просмотру фильмов с участием его матери. А в понедельник, ранним утром, едва Центральная библиотека Цюриха открыла двери, она уже стояла у входа, готовая запросить весь имеющийся материал об этой актрисе и окунуться в архивы.

Только к обеду Лиза наконец перевела дух. Позвонила Тому и сказала, что будет ждать его в их любимом ресторане. Сегодня ей особенно хотелось поговорить с ним.

Глава 7

Лиза ворвалась в ресторан словно ураган и сразу увидела Тома. Всё, что сейчас творилось в её душе и голове, требовало выхода. Она как никогда была рада ему.

Том галантно отодвинул стул, помогая ей сесть. Он впервые видел Лизу такой взбудораженной, поэтому наблюдал за ней с особым интересом.

— Лиза, не томи, выкладывай свои новости, — с улыбкой сказал он.

Она провела рукой по волосам, словно пытаясь привести в порядок не только их, но и собственные мысли.

— Том, я даже не знаю, с чего начать. За последние три дня я испытала столько эмоций и новых чувств, что кажется, будто прожила несколько жизней. Поток информации буквально захлестнул меня и подарил множество откровений! Мне нужно остановиться, выдохнуть, разложить всё по полочкам... но одной мне не справиться.

Том дружески сжал её руку.

— Говори как есть. А разбираться будем вместе, — мягко сказал он.

Лиза пересказала Тому весь разговор с бабушкой о родителях Адама Ланге.

— Но на этом история не закончилась, — продолжила она. — Сегодня я полдня провела в Центральной библиотеке, просматривая архивы, и наткнулась на интервью его матери. Это произвело на меня ещё большее впечатление. И знаешь, что самое удивительное? — её голос дрогнул от волнения. — Я вдруг поняла, что эта женщина будоражит меня, как никто другой.

Она наклонилась вперёд, её глаза сияли.

— В том интервью она рассказывала о своём детстве и родителях. Жили они в небольшой сельской местности на юге страны. У её семьи были виноградники, но их нельзя было назвать крупными. Она была пятым ребёнком в многодетной семье и с детства познала тяжёлый физический труд. Все много работали, день начинался задолго до рассвета. Отец был человеком строгих правил и считал, что настоящий труд связан только с землёй. Всё остальное, по его мнению, не имеет серьёзного значения.

Том внимательно слушал, слегка склонив голову набок.

— В юности ей приходилось подрабатывать, особенно если год выдавался неурожайным. А потом, — Лиза сделала паузу, — она уехала. Восемнадцать лет, театральное училище, мечты. Семья не приняла её выбора, не смирилась, даже когда она стала известной. Они просто... отвернулись.

Лиза на какое-то время остановилась, обдумывая сказанное.

— Я вдруг вспомнила себя в университете. Тогда я точно знала, что хочу писать книги. Но всё время казалось, что я ещё не готова, что мне не хватает опыта, знаний, чего-то ещё... Я всё откладывала, надеялась, что однажды придёт тот самый день, когда я наконец осмелюсь.

Она посмотрела в сторону, перевела дыхание, а потом вновь взглянула на Тома.

— Но теперь я понимаю, чего мне на самом деле не хватало. Истории! Главного героя. Того, кто затронет чувства читателя. Захватывающей сюжетной линии, без которой всё остальное теряет смысл.

Том чуть заметно кивнул.

— И знаешь что? — её голос стал тише, но твёрже. — Теперь я нашла его. Соприкоснувшись с судьбой этой женщины, я вдруг осознала: вот он — мой герой. Это человек, который слышит себя, своё сердце и следует за этим зовом, несмотря ни на что. Он не предаёт себя, не идёт на компромиссы, даже если остаётся в одиночестве. Он сам себя воспитывает, ваяет, создаёт... и не отступает.

Том наклонился ближе, заинтересованно глядя на неё.

Лиза выдохнула и на мгновение закрыла глаза.

— Только вот... — Она снова взглянула на Тома, на этот раз с тревогой. — Меня не покидает ощущение, что я заглянула за кулисы, куда меня не звали.

Она снова глубоко вдохнула. Перед ними уже давно стоял их обед, но Том, к её удивлению, ни разу не перебил, не вставил ни одной из своих привычных колкостей. Он просто слушал.

А затем вдруг подозвал официанта.

— Два бокала хорошего сухого белого вина, пожалуйста. Нам есть что отпраздновать.

Лиза удивлённо подняла брови.

Когда подали вино, Том торжественно поднял бокал:

— Этот тост за начинающего писателя. За человека, который обрёл себя и сделал шаг навстречу к своей мечте и истинному желанию.

Они чокнулись, и Лиза с нежностью посмотрела на Тома.

— Как хорошо, что у меня есть такой друг, — тихо сказала она.

— А что касается твоих сомнений... — Он поставил бокал на стол. — Лиза, ты журналист. Ты могла задать любой вопрос. И потом, информация о его родителях в открытом доступе. Любой мог бы с ней ознакомиться. Это, наоборот, отличный повод для ещё одной встречи с ним. Может быть, он сам захочет рассказать тебе больше.

Лиза задумалась. Она как-то не рассматривала ситуацию под таким углом. После слов Тома напряжение внутри неё ослабло.

— Спасибо, Том, — искренне сказала она. — Ты развернул меня в другую сторону, помог увидеть всё иначе. А ведь я мучилась этим вопросом: правильно ли я поступила?

— Лиза, разве есть что-то, что ты могла бы сделать неправильно? — с ухмылкой вставил Том свою традиционную шутку.

Когда они уже подходили к дверям редакции, Лиза остановилась.

— Том, я отправила тебе на почту свою статью. Буду рада, если согласишься её до вечера. Готова выслушать твои замечания.

— Я посмотрю, — кивнул он. — Но, думаю, там уже всё идеально.

Глава 8

Через некоторое время в кабинет Лизы вошёл Том.

— Прочитав твою статью, я пришёл к выводу, что твой доктор — отличный малый, — сказал он с лёгкой улыбкой. — Я бы с удовольствием с ним познакомился. Похоже, с ним есть о чём поговорить, да и жизненная позиция у него активная. Мне импонируют такие разносторонние люди. Кстати, правки были минимальные, и материал уже ушёл к главному.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.